

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1397-1404
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1397

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Potential of the Power Apparatus of the Moscow Authorities in the Framework of Countering the Revolutionary Movement in 1905

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Stanislav E. Prokofiev ^a, Konstantin V. Simonov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

As part of the study, an assessment is made of the potential of the power apparatus available to the authorities of Moscow in 1905, in terms of combating the revolutionary movement. The work methodology includes systemic, structural and comparative analysis. The source base of the article includes sources of personal origin and previously unpublished office materials from the fund of the Department for the Protection of Public Security and Order in Moscow under the mayor. Based on the study of empirical material, it was concluded that by the beginning of the acute phase of the revolution of 1905–1907 the power apparatus of the old capital did not have sufficient resources for the prompt and full-scale suppression of unrest. Insufficient funding and limited staffing of police units were combined with a lack of weapons, a relatively low degree of development of the undercover apparatus, the absence of specialized riot control units, as well as a well-developed methodology for their actions. In a number of cases, police units did not have sufficient rights to carry out full-fledged search activities. The low level of wages and the practice of abuse of power by the local middle management had a negative impact on the level of motivation of the police personnel. Since 1903, the number of troops stationed in Moscow has been decreasing on a regular basis, primarily due to the transfer of soldiers and officers to the Far East. The loss of personnel was compensated only partially, mainly by calling up reserve soldiers who were not very suitable for solving the problems of fighting the revolution. At the same time, a significant part of the available military resources was spent on secondary functions, due to which the workload on the units designed to help the police in the fight against riots increased significantly. Logistical problems prevented the timely return to Moscow of units released after the conclusion of peace with Japan. Decisions to increase the material base and expand the staff of the Moscow security forces were taken by the central leadership of the Ministry of Internal Affairs with a great delay - at the very end of 1905. Accordingly, the relatively low effectiveness of the Moscow security forces in countering the revolutionary movement in the old capital was primarily due to their lack of sufficient material base and prolonged disregard for their needs by the central administration.

Keywords: revolution, 1905, police, army, gendarmes, security department, Moscow.

1. Введение

Противодействие московских властей революционному движению в 1905 г. традиционно является одним из наиболее широко обсуждаемых аспектов истории первой российской революции. Старая столица выступала в качестве одной из главных локаций в рамках революционного движения, ход событий на ее территории во многом определял динамику соответствующих процессов в общероссийских масштабах. И потому меры реагирования со стороны местных властей закономерно отображались на развитии антиправительственного движения на территории всей империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), SEProkofev@fa.ru (S.E. Prokofiev), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov)

Однако изучению соответствующих событий на объективной основе длительное время препятствовала социально-политическая конъюнктура. Оценки противодействия властей Москвы революционному движению зачастую выстраивались в зависимости от положений официальной идеологии или личных политических предпочтений авторов. Отдельные исследователи под влиянием авторитета конкретных современников революции подменяли полноценные научные изыскания подбором фактов в подтверждение тезисов, сформулированных в том или ином источнике личного происхождения. Негативное влияние на изучение темы борьбы с революцией в Москве оказала и практика ревизионизма – как в рамках разрыва с наработками дореволюционных исследователей со стороны представителей советской исторической школы, так и в ходе переосмысления ее наследия в современный период.

Потенциал московских силовых структур в 1905 г. является одним из аспектов данной темы, в наибольшей степени ощутившим на себе влияние указанных негативных трендов. Его оценки в значительном числе опубликованных работ обуславливались в первую очередь стремлением привести картину событий в соответствие с заранее сформулированной позицией посредством избирательного подбора фактов. Равным образом многие исследователи стремились отобразить имидж правоохранителей империи в сугубо негативном либо, напротив, сверхпозитивном ключе. Как следствие, искажались представления об условиях функционирования силового аппарата в Москве, в том числе – в ключе обсуждения обстоятельств принятия конкретных решений.

Следствием этого стало искажение системы представлений о процессе противодействия московских властей революционному движению в 1905 г. и в целом состоянии силового аппарата государства в соответствующем периоде.

Цель исследования заключается в оценке потенциала силового аппарата, доступного властям Москвы на 1905 г., в рамках борьбы с революционным движением.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы этой статьи формируют неопубликованные архивные документы – делопроизводственные материалы Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при градоначальнике, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Их дополняют воспоминания участников, очевидцев и современников революции 1905 г. (Бобровская, 1924; Буренин, 1961; Герасимов, 2004; Мартынов, 2004; Новицкий, 1991).

Методологический аппарат исследования включает в себя системный, структурный и сравнительный анализ. Использование системного анализа позволило реконструировать модель организации силового аппарата, доступного московским властям. Структурный анализ дал возможность выделить наиболее значимые подразделения данного аппарата и изучить их взаимоотношения. Сравнительный анализ был использован для сопоставления состояния элементов силового аппарата на разных временных отрезках и оценки релевантности его реального потенциала текущим задачам.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема состояния силовых подразделений Москвы 1905 г. исследовалась в контексте изучения противодействия террористическим организациям и общего анализа криминогенной ситуации в старой столице в 1900-х гг. При этом авторы были вынуждены опираться преимущественно на материалы периодической печати, источники личного происхождения и данные включенного наблюдения (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

В советский период затрагиваемая проблематика получила широкое освещение, в том числе за счет активного вовлечения в научный оборот новых источников, включая архивные материалы. Но общая концепция оценки состояния силового аппарата искусственным образом приводилась в соответствие с тезисами официальной историографии большевистской партии (Гуляев, 1935; Кальманович, 1928; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Ростов, 1926; Яковлев, 1957).

Для современной историографии заявленной темы характерны как активные попытки переоценки накопленных ранее знаний на основе принципа объективности (проявляющейся в том числе в отказе от идеологизации), так и следы политизации, связанные с попытками как апологии, так и дискредитации руководства силового аппарата Москвы в 1905 г. (Алмазов, 2020; Ананьич, Ганелин, 2000; Варфоломеев, 2008; Галкин, 1996; Овченко, 2012; Перегудова, 2000).

4. Результаты

Характеризуя потенциал силовых подразделений, оказавшихся в распоряжении московских властей на период начала острой фазы революции, в первую очередь стоит отметить их сравнительную немногочисленность. 15 ноября 1905 г. московский генерал-губернатор П.П. Дурново докладывал руководству Министерства внутренних дел, что в его распоряжении находятся лишь около 2 тыс. полицейских и приблизительно 8–9 тыс. солдат и офицеров городского гарнизона (значительную часть которых приходится ежедневно выделять для формирования усиленных нарядов, осуществлявших дежурство на территории города). При этом генерал-губернатор

подчеркивал, что расширение масштабов привлечения войск к полицейским мероприятиям может привести к существенному росту недовольства среди солдат, так как власти не имеют ресурсов, чтобы в достаточной мере обеспечить участвующих в работе нарядов военнослужащих продовольствием и спальными местами. Как отмечал П.П. Дурново, неудовлетворительные условия несения службы в рамках усиленных нарядов даже становились причиной начала солдатских сходок (одна из них имела место 13 ноября) (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 79-80).

Сходную оценку состоянию наличных силовых ресурсов дал и градоначальник Г.П. Медем. В письме от 16 ноября 1905 г. на имя управляющего Министерством внутренних дел П.Н. Дурново он подчеркивал, что располагает лишь ограниченным контингентом наружной полиции, одновременно указывая, что организация розыска преступников и правонарушителей в ее подразделениях поставлена на неудовлетворительном уровне (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 93-94).

Отдельно следует отметить, что как П.П. Дурново, так и Г.П. Медем в рамках переписки с руководством МВД заявили об отсутствии объективной возможности должным образом исполнять возложенные на них обязанности и обратились к руководству с прошением об отставке (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 80, 94).

Сведения, приводимые в отчетах московских властей, подтверждают подсчеты историков на основе анализа делопроизводственных документов. Так, изыскания Н.Н. Яковлева позволили установить, что на начало декабря в распоряжении властей старой столицы находились приблизительно 2,3 тыс. полицейских и 4 тыс. жандармов, 6,5 тыс. солдат и офицеров пехотных подразделений, а также личный состав 5 кавалерийских полков и 2 артиллерийских бригад (Яковлев, 1957: 44). По оценке Дж. Сандерса, численность полицейских в Москве в начале декабря 1905 г. составляла около 1,5–2,2 тыс. человек, с учетом жандармов – приблизительно 3,5 тыс. (Sanders, 1987: 59). По подсчетам М.Г. Алмазова, на начало декабря 1905 г. в Москве при исполнении обязанностей находился 2 301 представитель наружной полиции (Алмазов, 2020: 53).

При этом численность полицейских была ощутимо ниже значений, закрепленных в штатах ведомства. Так, из 2 028 полагавшихся по штату городских в распоряжении властей реально находились 1 865 человек, из 150 городских резерва – только 74, из 288 околоточных надзирателей – лишь 264, из 126 приставов и помощников пристава – 98. Соответственно, из 2 952 штатных сотрудников реально в Москве присутствовали лишь 2 301. Таким образом, масштаб некомплекта составлял около 22 %. В итоге на одну тысячу официально учтенных жителей столицы приходилось лишь 2–3 сотрудника полиции. Отчасти данная ситуация обуславливалась последствиями войны против Японии: многие полицейские были мобилизованы на условия сохранения занимаемых должностей (Алмазов, 2020: 53; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 15. Л. 47).

Серьезные проблемы испытывала и фабрично-заводская полиция. Как правило, количество ее представителей даже на крупных предприятиях было крайне невелико. Так, численность персонала фабрики Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры на октябрь 1905 г. составляла более 5,9 тыс. человек, в то время как для контроля над ними были выделены 7 представителей полиции (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 782. Л. 83).

При этом важно отметить, что находившиеся на службе полицейские были в массе своей слабо мотивированы к полноценному выполнению своих обязанностей, в первую очередь – материально. Околоточный надзиратель в Москве, например, получал, по данным за ноябрь 1905 г., 50–58 рублей в месяц. Как следствие, многие полицейские охотно меняли профессию, переходя на более высокооплачиваемые вакансии ночных сторожей в частном секторе экономики (Буренин, 1961: 16; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 54).

Руководство МВД было хорошо осведомлено о проблеме нехватки кадров в московской полиции: еще в 1902 г. было принято решение увеличить штаты полиции в старой столице на 26 %. Однако полноценно реализовать данное намерение не позволила острая нехватка финансов. Городская дума Москвы всячески препятствовала увеличению расходов местного бюджета на содержание полиции. В результате в 1905 г. транши из бюджета Москвы на содержание полиции составили лишь 1,2 млн рублей, или около 37,5 % от бюджета правоохранителей. В то же время МВД не могло полноценно финансировать московскую полицию из-за позиции Министерства финансов, пытавшегося оптимизировать государственные расходы. Как следствие, из государственного бюджета на нужды полиции старой столицы выделили в 1905 г. только 2 млн. В результате к ноябрю 1905 г. лишь каждый третий городской в Москве имел на вооружении револьвер (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. I. Л. 58-59; Гурьев, 2014: 112).

Ситуацию усугубляло то, что в составе московской полиции на 1905 г. отсутствовали специализированные подразделения, способные эффективно подавлять массовые беспорядки. Например, хорошо подходившие для решения соответствующих задач подразделения конной полиции были созданы лишь годом позже (Ерошкин, 1952: 668; Островитянинов, 1967: 34).

Отдельно необходимо отметить, что для значительной части полицейских был характерен высокий уровень недовольства масштабами распространения коррупции среди руководителей среднего звена, что проявлялось в том числе в форме направляемых в Санкт-Петербург петиций с жалобами (в частности, одна из них была направлена в адрес С.Ю. Витте). Некоторые полицейские и

дворники Москвы даже принимали участие в митингах. Полицейские декларировали требование освободить их от участия в розыскных мероприятиях по политическим преступлениям, дворники выражали недовольство своей ролью в качестве вынужденных помощников полиции. Имели место и попытки создания профсоюзов сотрудников полиции (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 782. Л. 75; Сторожев, 1920: 110; Таратута, 1925: 71).

В то же время среди московских полицейских фиксировались и иные тенденции: тревожно широкие масштабы приобрели антисемитизм и правый экстремизм, распространение которых также снижало степень управляемости силовиками и увеличивало вероятность эксцессов, способных спровоцировать новые вспышки протестов (Алмазов, 2020: 55; Вознесенский, 1928: 56; Чебарин, 1953: 28).

Жандармский дивизион Москвы насчитывал лишь около 500 человек. При этом его сотрудники не были полноценно подготовлены к борьбе с массовыми беспорядками. В подразделениях отсутствовали даже инструкции по методам противодействия толпе, а отсутствие организации по участкам препятствовало оперативному реагированию на сообщения о волнениях (Бобровская, 1924: 32; Брачев, 2002: 72; Герасимов, 2004: 196).

В случае жандармских подразделений, отвечавших за безопасность и спокойствие на железных дорогах, работа правоохранителей во многом блокировалась действиями местных представителей Всероссийского железнодорожного союза. Положение дел усугубляло то, что работавшие на железных дорогах жандармы не были наделены достаточным объемом полномочий. Они обладали лишь правом формального дознания и потому не могли производить полноценные оперативно-розыскные мероприятия. При этом на 1905 г. у «железнодорожных» жандармов отсутствовала агентура в среде рабочих и служащих, к ее созданию приступили лишь после декабрьского восстания (Звездов, 1925: 26; Мартынов, 2004: 37; Новицкий, 1991: 27; Таратута, 1925: 39).

Московское охранное отделение на 1905 г. переживало серьезный кризис, связанный в первую очередь с растущей нехваткой финансирования (ощутимо проявлявшийся еще в период пребывания во главе данного подразделения С.В. Зубатова). В 1905 г. руководство Департамента полиции выделило московскому охранному отделению годовой бюджет в 112 тыс. рублей, что далеко не соответствовало ее реальным потребностям. В результате уже в апреле представители «охранки» были вынуждены обратиться к градоначальнику с просьбой о заимообразном возмещении в размере 11 тыс. рублей. Однако им была выдана лишь ссуда на 5 тыс. рублей. Дефицит денежных средств в итоге существенным образом отразился в том числе на состоянии системы наружного наблюдения: в ноябре 1905 г. в распоряжении московского охранного отделения находились только 84 филера (при учете того, что численность населения старой столицы превышала 1,5 млн человек) (Sanders, 1987: 68).

В качестве дополнительного источника проблем для организации борьбы с революционным движением в Москве выступала практика высокой частоты кадровых перестановок в руководстве регионального охранного отделения. За 1905 г. центральный аппарат трижды менял главу данного ведомства (Черномордик, 1926: 31).

Как уже было отмечено выше, численность расположенных в Москве воинских подразделений, пригодных для борьбы с революционными беспорядками, также была сравнительно невелика. Однако в данном случае необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство: численность личного состава размещенных в городе войск последовательно сокращалась на протяжении 1903–1905 гг. Более того, данный процесс не прекращался даже накануне декабрьского восстания. По данным за 1 октября 1905 г., в Москве размещались 15,2 тыс. солдат и офицеров. Но к 25 ноября их количество сократилось уже до 10,9 тыс. человек (Алмазов, 2020: 57; Панкратова, 1951: 74–75).

Еще осенью 1903 г. начался процесс активной переброски подразделений, размещенных в Московском военном округе, в Маньчжурию. К середине лета 1904 г. только из Астраханского, Екатеринославского, Киевского, Несвижского, Перновского, Ростовского, Самогитского и Таврического подразделений на Дальний Восток было переброшено 2,6 тыс. солдат и офицеров. Всего к началу июня 1905 г. из Москвы переместили 5,9 тыс. военнослужащих. В то же время еще в мае руководство Военного ведомства потребовало от командования Московского военного округа подготовить к отправке на Дальний Восток еще 5,5 тыс. солдат и офицеров (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 33).

В итоге численность многих подразделений, размещенных в Москве либо в ее окрестностях, упала до критически низкого уровня. Так, по данным на 7 июня 1905 г., в рядах гренадерского корпуса осталось немногим более 1 тыс. нижних чинов. В частях Екатеринославского и Несвижского полков, расквартированных в старой столице, осталось менее 100 человек (в каждом подразделении) (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 39).

Возникающую нехватку кадров местному командованию предлагалось возмещать за счет двух ресурсов – призыва запасных (самых старших сроков службы и многосемейных) и удержания отслуживших солдат-срочников. Как следствие, качество подготовки и уровень мотивации личного состава начал падать (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 42).

Завершение войны с Японией в сентябре 1905 г. не привело к существенному улучшению ситуации. С одной стороны, началась массовая демобилизация. Так, к концу ноября только из

пехотных частей московского гарнизона были демобилизованы более 700 человек только в рамках призыва 1901 г. При этом возникли ощутимые проблемы с возвращением в Москву ранее переброшенных на Дальний Восток подразделений. На фактор малой пропускной способности Транссибирской магистрали налагались нарушения в расписании переброски войск, негативные последствия которых усугублялись плохо организованным процессом возвращения домой запасных солдат (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 118).

При этом доступные московским властям военные подразделения были обязаны выполнять многочисленные дополнительные обязанности, закономерным следствием чего становился дефицит ресурсов для решения основных задач. Так, в сентябре–октябре 1905 г., т.е. в период пика забастовочного движения, в обязанности войск входили:

- несение двухсменного ежедневного караула в рамках отведенных районов (что требовало выделения около 50 человек на территорию в день);
- выполнение домашних нарядов с посыльными (что предполагало отвлечение приблизительно 130 человек);
- отвлечение сил для выполнения обязанностей дежурных и дневальных по ротам (примерно 130 человек);
- выделение кадров для обучения ожидающихся новобранцев (приблизительно 190 человек) и т.д. (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 123-124).

В среднем в рамках одного пехотного полка на исполнение соответствующих приказов выделялось около 660 солдат и унтер-офицеров (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 124).

При этом были и дополнительные обязанности, не имевшие прямого отношения к воинской службе. В частности, нижних чинов регулярно направляли в качестве «наряда статистов» в театры, использовали в качестве прислуги в офицерских собраниях, сапожников, портных или поваров (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 117).

Росту нагрузки на армейские подразделения способствовала также отправка части наличных сил на подавление крестьянских восстаний осенью 1905 года (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 92).

Необходимо отметить, что московские власти проявляли достаточно большую активность, пытаясь решить обозначенные выше проблемы. В частности, в сентябре 1905 г. генерал-губернатор П.П. Дурново добивался от руководства Московского военного округа отправки в Москву дополнительных армейских подразделений, в том числе – 2 пехотных дивизий, 2 кавалерийских полков и 1 артиллерийской бригады. Однако в итоге в старую столицу направили лишь 9 казачьих сотен. П.П. Дурново также ставил вопрос о двукратном увеличении сил полиции перед управляющим Министерством внутренних дел в ноябре 1905 г. (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 125).

В итоге с целью усиления полицейского аппарата в Москве руководство МВД направило в старую столицу ассигнования в размере 19 млн рублей. В начале декабря было принято решение о расширении штатов московской полиции на 1 тыс. человек, однако его формально одобрили лишь в конце месяца, т.е. после завершения декабрьского восстания (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 129).

5. Заключение

Количественные данные о численности сил армии и полиции в Москве, объеме их обязанностей и материальном обеспечении позволяют заявить, что к началу острой фазы революции 1905–1907 гг. силовой аппарат старой столицы не располагал достаточными ресурсами для оперативного и полномасштабного подавления беспорядков. Недостаточный объем финансирования и ограниченные размеры штатов полицейских подразделений сочетались с нехваткой оружия, сравнительно невысокой степенью развития агентурного аппарата, отсутствием специализированных подразделений по борьбе с беспорядками, а также проработанной методики их действий. В ряде случаев подразделения полиции не обладали достаточным объемом прав для проведения полноценной розыскной деятельности. Низкий уровень заработной платы и практика злоупотреблений должностными полномочиями со стороны местного руководства среднего звена отрицательным образом отражались на уровне мотивации личного состава полиции. Численность расквартированных в Москве войск на регулярной основе сокращалась с 1903 г., в первую очередь – за счет переброски солдат и офицеров на Дальний Восток. Убыль личного состава компенсировалась лишь частично, преимущественно – путем призыва малопригодных к решению задач борьбы с революцией солдат запаса. При этом значительная часть доступных военных ресурсов расходовалась на выполнение второстепенных функций, в силу чего нагрузка на подразделения, призванные помогать полиции в борьбе с беспорядками, существенно возрастала. Логистические проблемы препятствовали своевременному возвращению в Москву подразделений, высвободившихся после заключения мира с Японией. Решения об увеличении материальной базы и расширении штатов московских силовиков были приняты центральным руководством МВД с большим опозданием – в самом конце 1905 г.

Таким образом, сравнительно низкая эффективность противодействия московских силовиков революционному движению в старой столице была обусловлена в первую очередь отсутствием у них

достаточной материальной базы и длительным игнорированием их потребностей центральным аппаратом управления.

Литература

- Алмазов, 2020 – Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // *Российская история*. 2020. № 1. С. 51-74.
- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924 – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Буренин, 1961 – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008 – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Вознесенский, 1928 – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Герасимов, 2004 – Герасимов А.В. На лезвии с террористами / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гуляев, 1935 – Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905–1907 гг. Л., 1935.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат / История Москвы. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Звездов, 1925 – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928 – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Мартынов, 2004 – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Овченко, 2012 – Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия (1880–1917 гг.). М., 2012.
- Островитянинов, 1967 – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- Перегудова, 2000 – Перегудова З.И. Политический сыск в России (1881–1917). М., 2000.
- Сторожев, 1920 – Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) / Декабрьское восстание в Москве 1905 г. М., 1920. С. 109-114.
- Таратута, 1925 – Таратута В.К. 1905 год и Московское восстание. М., 1925.
- Чебарин, 1953 – Чебарин А.С. Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.
- Черномордик, 1926 – Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.
- Яковлев, 1957 – Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957.
- Sanders, 1987 – Sanders J. The Uprising of December 1905. N. Y., 1987.

References

- Almazov, 2020 – Almazov, M.G. (2020). F.V. Dubasov i podavlenie Dekabr'skogo vosstaniya v Moskve [Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 51-74. [in Russian]
- Anan'ich, Ganelin, 2000 – Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh. (2000). Sergei Yul'evich Vitte i ego vremena [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb. [in Russian]
- Berman, 1913 – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]

- Bobrovskaya, 1924** – *Bobrovskaya, Ts.* (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. M. [in Russian]
- Brachev, 2002** – *Brachev, V.S.* (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]
- Burenin, 1961** – *Burenin, N.E.* (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years. Memories]. L. [in Russian]
- Chebarin, 1953** – *Chebarin, A.S.* (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Chernomordik, 1926** – *Chernomordik, S.I.* (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. M.; L. [in Russian]
- Eroshkin, 1952** – *Eroshkin, N.P.* (1952) Administrativno-politseiskii apparat [Administrative and police apparatus]. Istoriya Moskv. V. 5. Period imperializma i burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsii. M.: 663-675. [in Russian]
- Galkin, 1996** – *Galkin, V.V.* (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. M. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. T. 2. M.: 141-345. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gulyaev, 1935** – *Gulyaev, A.I.* (1935). Boevye druzhiny bol'shevikov. Rabota boevoi organizatsii bol'shevikov Narvskoi zastavy g. Peterburga v 1905–1907 gg. [Fighting squads of the Bolsheviks. The work of the fighting organization of the Bolsheviks of the Narva outpost in St. Petersburg in 1905–1907]. L. [in Russian]
- Gur'ev, 2014** – *Gur'ev, V.I.* (2014). Moskovskaya politsiya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928). Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nomkorpusezhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniyarukovoditeleiokhrannykhotdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M.: 28-410. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityaninov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ovchenko, 2012** – *Ovchenko, Yu.F.* (2012). Bezopasnost' imperii: politicheskii rozysk-sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiiskogo samoderzhaviya (1880–1917 gg.) [The security of the empire: political search as a means of ensuring the security of the Russian autocracy]. M. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967). Voенно-boevaya rabotabol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pankratova, 1951** – *Pankratova, A.M.* (1951). Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Peregudova, 2000** – *Peregudova, Z.I.* (2000). Politicheskii sysk v Rossii (1881–1917) [Political investigation in Russia (1881–1917)]. M. [in Russian]
- Sanders, 1987** – *Sanders, J.* (1987). The Uprising of December 1905. N.Y.
- Storozhev, 1920** – *Storozhev, V.N.* (1920). Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arkhivnym materialam) [December armed uprising (According to archival materials)]. Dekabr'skoe vosstanie v Moskve 1905 g. M.:109-114. [in Russian]
- Taratuta, 1925** – *Taratuta, V.K.* (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). «Russkiis posob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala XX v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teni proshlogo: (Po tsarskim sudam). Izvospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Yakovlev, 1957** – *Yakovlev, N.N.* (1957). Vooruzhennye vosstaniya v dekabre 1905 goda [Armed uprisings in December 1905]. M. [in Russian]
- Zvezdov, 1925** – *Zvezdov, A.A.* (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

Потенциал силового аппарата властей Москвы в рамках противодействия революционному движению в 1905 г.

Павел Сергеевич Селезнев ^{а,*}, Станислав Евгеньевич Прокофьев ^а, Константин Васильевич Симонов ^а

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования производится оценка потенциала силового аппарата, доступного властям Москвы в 1905 г., с точки зрения борьбы с революционным движением. Методология работы включает в себя системный, структурный и сравнительный анализ. Источниковая база статьи включает в себя источники личного происхождения и ранее не опубликованные делопроизводственные материалы из фонда Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при градоначальнике. На основании изучения эмпирического материала сделан вывод о том, что к началу острой фазы революции 1905–1907 гг. силовой аппарат старой столицы не располагал достаточными ресурсами для оперативного и полномасштабного подавления беспорядков. Недостаточный объем финансирования и ограниченные размеры штатов полицейских подразделений сочетались с нехваткой оружия, сравнительно невысокой степенью развития агентурного аппарата, отсутствием специализированных подразделений по борьбе с беспорядками, а также проработанной методики их действий. В ряде случаев подразделения полиции не обладали достаточным объемом прав для проведения полноценной розыскной деятельности. Низкий уровень заработной платы и практика злоупотреблений должностными полномочиями со стороны местного руководства среднего звена отрицательным образом отражались на уровне мотивации личного состава полиции. Численность расквартированных в Москве войск на регулярной основе сокращалась с 1903 г., в первую очередь – за счет переброски солдат и офицеров на Дальний Восток. Убыль личного состава компенсировалась лишь частично, преимущественно – путем призыва мало пригодных к решению задач борьбы с революцией солдат запаса. При этом значительная часть доступных военных ресурсов расходовалась на выполнение второстепенных функций, в силу чего нагрузка на подразделения, призванные помогать полиции в борьбе с беспорядками, существенно возрастала. Логистические проблемы препятствовали своевременному возвращению в Москву подразделений, высвободившихся после заключения мира с Японией. Решения об увеличении материальной базы и расширении штатов московских силовиков были приняты центральным руководством МВД с большим опозданием – в самом конце 1905 г. Соответственно, сравнительно низкая эффективность противодействия московских силовиков революционному движению в старой столице была обусловлена в первую очередь отсутствием у них достаточной материальной базы и длительным игнорированием их потребностей центральным аппаратом управления.

Ключевые слова: революция, 1905 г., полиция, армия, жандармы, охранное отделение, Москва.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), SEProkofev@fa.ru (С.Е. Прокофьев), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов)